

**Larisa ALIŞANOVA**

*Научный сотрудник отдела «Исторической этнографии»*

*Институт Истории и Этнологии им. А.Бакиханова*

*Национальной Академии наук Азербайджана*

*e-mail: [a.alishanova@yahoo.com](mailto:a.alishanova@yahoo.com)*

*<https://doi.org/10.59849/2309-7922.2025.1.203>*

## **К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ В ТЮРКСКОМ И КАЗАЧЬЕМ ФОЛЬКЛОРЕ**

### **Резюме**

Вопрос о сходстве фольклора разных народов вызывает интерес среди этнографов, лингвистов, фольклористов. Учёные обращают внимание на сходство в трактовке общих тем, в разработке образов, в стиле. Сходство также касается приёмов создания и характера распространения фольклорных произведений. Пытаясь объяснить сходство, необходимо изучить историю контактов между тюрками и казаками. Необходимо понять, каким образом в истории этих народов происходила культурно-бытовая ассимиляция, влияние друг на друга. В элементах сходства фольклора тюрков и казаков видно действие одинаковых условий жизни, проявления схожести мышления, как следствие тождества важнейших людских понятий, представлений и чувств.

*Ключевые слова: фольклор, казаки, тюрки, наследие*

**Larisa ALIŞANOVA**

## **TÜRK VƏ KAZAK FOLKLORUNDA OXŞARLIQ MƏSƏLƏSİNƏ DAİR**

### **Xülasə**

Müxtəlif xalqların folklorunun oxşarlığı məsələsi etnoqraflar, dilçilər, folklorşünaslar arasında maraq doğurur. Alimlər ümumi mövzuların şərhində, obrazların işlənməsində, üslubda oxşarlığa diqqət yetirirlər. Oxşarlıq folklor əsərlərinin yaranma üsullarına və yayılma xarakterinə də aiddir. Həmin oxşarlığı izah etmək üçün türklər və kazaklar arasında əlaqələrin tarixini öyrənmək lazımdır. Bu xalqların tarixində mədəni-məişət assimilyasiyasının, bir-birinə təsirinin necə baş verdiyini anlamaq lazımdır. Türklərin və kazakların folklorunun oxşarlıq elementlərində eyni həyat şəraitinin, təsiri, ən mühüm insan anlayışlarının, ideya və hisslərinin eyniliyinin nəticəsi kimi təfəkkür oxşarlığının təzahürlərini görmək olar.

*Açar sözlər: folklor, kazaklar, türklər, oxşarlıq*

Larisa ALISHANOVA

**ON THE SIMILARITIES BETWEEN TURKIC AND  
COSSACK FOLKLORE**

**Summary**

The question of similarities between the folklore of different peoples is of interest to ethnographers, linguists, and folklorists. Scholars note similarities in the interpretation of common themes, in the development of images, and in style. Similarities also apply to the methods of creation and distribution of folklore works. In order to explain these similarities, it is necessary to study the history of contacts between the Turks and the Cossacks. It is necessary to understand how cultural and everyday assimilation and mutual influence took place in the history of these peoples. The similarities between the folklore of the Turks and the Cossacks reflect the influence of identical living conditions and similar ways of thinking, which are a consequence of the identity of the most important human concepts, ideas, and feelings.

*Keywords: folklore, Cossacks, Turks, heritage*

**Введение.** Существует предположение, что вся действительность, осваиваемая народным художественным сознанием, отражает в фольклоре жизнь народа в определённый исторический период, в то же время вбирая в себя вековые ценности национальной духовной культуры различных этнических групп. Пословицы, поговорки, песни, легенды, предания и мифы, народная обрядовая поэзия, как и сами традиционные ритуалы, так или иначе вошедшие в фольклорно-этнографический контекст произведения, обогащают его художественный фонд, являются выразителями ценнейшего достояния этнической культуры.<sup>1</sup>

На фоне развития мировой цивилизации история взаимоотношений казаков и тюрков вызывает интерес среди учёных. Это относится к исследованиям археологов, антропологов, этнографов, лингвистов, фольклористов. Взаимодействие казаков и тюрков оставило заметный след не только в их этногенезе, культуре, архитектуре, в употреблении ими некоторых предметов домашнего обихода и одежды, в отдельных деталях быта и обычаях, в терминологии животноводства, в фамилиях и прозвищах, в топонимах и гидронимах, а также в их фольклоре.

Сложность и пестрота исторических взаимоотношений тюркских народов, наличие целого ряда черт дополовецкого и половецкого периодов позволяли различным этническим группам перенимать их обычаи и обряды, подтверждающие принадлежность их к тюркскому миру. Господство то одного, то другого тюркского кочевого народа в обширном пространстве древнерусских степей объясняет процесс ассимиляции тюрков с местным насе-

лением и показывает, что изучение исторического прошлого и культурного наследия народов Великой степи невозможно проводить без уважительного отношения к каждому из народов и этносов, в течение нескольких столетий общими усилиями создавших величайшую историю и культуру Евразии.

Интерес к исследованию богатого фольклорно-этнографического наследия казаков в свете взаимовлияний и взаимосвязей с тюрками не случаен и обусловлен рядом причин: история этих народов уходит в далёкую древность и хранит память о крупных исторических событиях, приведших к миграции населения, слиянию культур разных этнических групп, а вследствие этого интеграции фольклорного материала.<sup>2</sup>

Если попытаться, хотя бы в общих чертах, проанализировать фольклорное наследие казачества, то мы увидим, что его без преувеличения можно считать неисчерпаемым. Бесценным кладом, который получает каждый человек от своих предков, является, конечно, его родной язык, родная речь. Огромное количество прибауток, побасенок слышал казак с самого детства, привыкал к музыке и ритму родного языка. Пословицы, поговорки так и сыпались из уст каждого взрослого. Казаки говорили, что «слово – тот груз, который в пути не тянет и плеч не набивает, а душу согревает, а то и спасает».

Ценным материалом для исследования фольклора казаков являются сказки. Смешные и страшные, весёлые и серьёзные: сказки про животных, которые сохраняет народная память с первобытных времён, волшебные, сильно напоминающие восточные сказки «Тысячи и одной ночи», – казачьи сказки очень похожи на сказки соседних тюркских народов. Например, известный исследователь сказок В.Я.Пропп рассматривал фольклор как явление интернациональное, которое не может быть исследовано «в рамках одной народности».<sup>3</sup> Действительно, только наложение друг на друга «исходных моделей этнографических субстратов разных народов» даёт возможность с помощью одних систем заполнить «белые пятна» в других». <sup>4</sup>

Следует отметить, что казачьи сказки имеют свои особенности, очень схожие с тюркскими. Первая: сказки-диалоги, анекдоты.

- Односум, что это тебе рожу так разнесло?
- Да вчера был на рыбалке – оса на губу села.
- И ужалила?
- Слава Богу, не успела! Брат её веслом убил...

Вторая особенность – сказки-былички. Рассказывает её «очевидец» или, как говорили казаки, «самовидец», то есть как бы участник событий. Посвящены былички, как правило, действительно существовавшим героям и имевшим место событиям, но строятся они по всем правилам сказочного повествования. Чем дальше отстоят времена и события от наших дней, тем

сказочнее персонаж. Степан Разин на волшебном платке плавает, как на плоту, раскинув полы кафтана, летает по воздуху, умеет становиться невидимым и превращаться в зверей и птиц. В быличке можно рассмотреть подлинные события, подчас в достоверных исторических подробностях. В них герой всегда такой, каким его хотел видеть народ. Также в фольклоре казаков много апокрифов, то есть сказок на библейские сюжеты. Действующими лицами этих сказок являются святые, помогающие простым людям. Например, в одной из сказок святой Николай варит кашу уставшим от работы казакам, а Богородица отгоняет от спящих казаков комаров и гнуса.

Следует отметить, что в казачьем фольклоре так же как и в речевом обиходе, немало тюркских заимствований вследствие происшедшего в результате исторического развития процесса дифференциации единых в своём генезисе этносов. В азербайджанском фольклоре одним из самых широко распространённых жанров является анекдот. Глубокие по смыслу, забавные весёлые по сюжету, шлифующиеся столетиями, переходят из уст в уста, они любимы народом, создаются им и живут в нём.<sup>5</sup>

Наиболее распространёнными являются анекдоты о Молла Насреддине, а также анекдоты о Бахлуле Даненде, которые привлекают краткостью, собранностью, забавностью, мягкой сатирой и тонким юмором. Анекдоты о Бахлуле очень схожи с быличками казаков. Бахлул Даненде – это воинствующий герой, готовый отдать свою жизнь за справедливость и правду, обличающий пороки. Он умен и искусен, побеждает благодаря своей мудрости, своему упорству, при любых обстоятельствах и в любом деле. Бахлул справедлив, он помогает обманутым, униженным, несчастным, обездоленным людям. Народ, когда приходилось туго, разжигал, по преданию, костёр на вершине высокой горы, зовя на помощь Бахлула, и он приходил на подмогу. Как утверждается во многих анекдотах и повествованиях, личность по имени Бахлул – это человек, который жил в XIII веке, во времена Харуна аль-Рашида, и даже приходился братом этому халифу. Бахлул – это образ борца за интересы народа. И тут можно провести параллель с любимым героем казачьих сказок-быличек Матвеем Платовым, который напоминал реально существовавшего атамана, боровшегося с несправедливостью, чем и заслужил добрую память и уважение своего народа. Распространённые анекдоты о Бахлуле, так же как и казачьи анекдоты-былички о Матвее Платове, Степане Разине, – это мудрые творения, созданные народом. Чем дальше отстоят времена и события от наших дней, тем больше и отчётливее проявляется связь и этническая общность казаков и тюрков, свидетельствующая о наличии значительной устно-поэтической культуры у наших далёких предков.

Следует отметить, что выдающемуся исследователю фольклора В.Я.Проппу удалось раскрыть ряд общих для народного творчества разных народов закономерностей, свидетельствующих о генетических истоках как

отдельных фольклорных мотивов и жанров, так и народного искусства вообще. В.Я.Пропп утверждает, что генетически фольклор сближает не с литературой, а с языком – отсюда и своеобразный способ возникновения фольклорного произведения. Фольклор "возникает и изменяется совершенно закономерно, независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия".<sup>6</sup>

В работе «К вопросу о сходстве восточно-тюркских сказок со славянскими» (сказки, записанные с 1891 по 1896 год Н.О.Катановым и И.П.Рогановичем во время путешествия по Азии) встречаются довольно любопытные сказки о человеке, понимавшем язык животных. Например, джагатайская сказка, взятая из книги Рабгузи «Кысас'уль анбия», сочинена в XV веке и может служить образцом турфанской сказки. В джагатайской сказке человек научился языку животных у ветхозаветного царя Соломона, которому были подвластны духи, звери, птицы и насекомые и который, по мусульманскому верованию, умел говорить и понимать по-птичьему и по-звериному. Тот же сюжет прослеживается в бельтухских и сагайских сказках. В турфанской сказке не сказано, где человек научился языку животных, а в бельтухской и сагайской говорится, что он научился у змеи. Змея у тюркских племён считалась обыкновенно мудрою.

Уважение и бережное отношение к животным являлись одной из основных черт казаков. Пастушество – это профессия, которой владели почти все казаки и которая требовала знаний, обучения, навыков. Казаки, считая это занятие чисто мужским, приглашали женщин только на сезонную работу – **сакман** (овечий окот, стрижку и доение **кумыса**). Одно лишь перечисление специальностей пастухов говорит о том, как развито было животноводство у казаков. **Чабан** «чепигой», которой выхватывал из отары овец, той самой, древней, превратившейся затем в **посох** у духовенства в христианских церквях. И самыми уважаемыми людьми были коневоды. Коневодство было искусством, высочайшим мастерством, где казакам не было равных. Как же это отразилось в фольклоре?

В казачьих сказках, так же как и в тюркских, конь ассоциируется с необыкновенной волшебной силой, с добротой, преданностью. «Есть добрый конь, заперт за тремя дверьми, третью дверь уже копытом пробирает».<sup>7</sup>

Нужно указать одну особенность облика сказочного коня. У него «по бокам часты звёзды, во лбу ясный месяц», таким образом конь представляется как бы «вестником с неба, освещающим людские роды во все ночи». Следовательно, коню в казачьем фольклоре отводится почётное место.

Любопытен особый раздел исторических песен «Казак и конь», где вечно тревожной, сопряжённый с опасностями многотрудной жизни казака, к коню ласково обращаются «душечка». Эта любовь, ставшая традиционной, нашла своё выражение в ряде казачьих пословиц и поговорок: «Казак без

коня – что солдат без ружья», «Без коня казак кругом сирота», «Казак сам не поест, а коня накормит».

Особой любовью и популярностью среди казаков пользуются были о Добрыне Никитиче, где особенно ярко проявляется отношение к коню-другу.

Ой, отмыкал же, вот бы млад Добрынюшка,  
Да свою он конюшеньку,  
Ой, выводил же своо коня доброго,  
Да коня богатырского,  
Ой, оседлал же, вот бы, млад Добрынюшка,  
Оседлал бы всем черкесским седлом,  
Ой, да поехал, вот бы, млад Добрынюшка  
Кы своей родной матушке.

Таким образом, казачий фольклор отмечен истинным поэтическим вдохновением в отображении животных, подчёркивая композиционную стройность и законченность, музыкальность, теплоту и лиричность произведений народного творчества.

В исследовании А.Н.Самойловича «Сказки. «Сорок небылиц» (по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантам) за 1912 год автор отмечает, что во время путешествия по Хивинскому ханству в 1908 году, в городе Гурлен он записал от молодого узбека из племени канглы два варианта сказки «Сорок небылиц» на тюркском языке (хивино-узбекское наречие). При поездке в 1912 году к ставропольским туркменам Самойлович записал новый вариант этой сказки со слов туркмена из аула Чур по имени Джума-Нияз. Следующий вариант сказки, казах-киргизский, был записан в Сырдарьинской области. Сюжет сказки заключается в получении руки девушки при помощи загадки, причём побеждает не тот, кто разгадывает, а тот, кто загадывает, а загадывающей стороной является не сторона невесты, а сторона жениха. Следует отметить существование присутствия следов сказки «Сорок небылиц» и в казачьем фольклоре, что говорит о высокой степени её распространённости среди тюркских племён и близких к ним народов.

В прошлые, прошлые времена,  
Когда осёл был распухшим,  
Когда гусь был караульщиком,  
Когда журавль был стоящим,  
Когда перепел был слабым,  
Когда его хвост был куцым,  
Когда скворец был судьёй,

Когда жаворонок был муллой,  
Был один хан, а у того хана была дочь.

И дальше продолжается повествование об условиях сватовства к дочери хана, находчивости, смекалки и счастливом конце повествования.

Записанные Самойловичем сказки обыкновенно начинаются словами: «*бір вар екен, бір јок екен*» – «было ли когда, или не было никогда», как обычно начинаются казачьи сказки. Далее, любой человек, интересующийся и изучающий фольклор, понимает, что русские былины, якутские олонхо, азербайджанские дастаны и другие подобные им песни многочисленных народов представляют собой эпос. Наиболее важным, решающим признаком эпоса является героический характер его содержания. Эпос показывает, кого народ считает героем и за какие заслуги. Содержанием эпоса всегда является борьба и победа. Причём борьба ведётся не за узкие, мелкие цели, не за личную судьбу, не за частное благополучие, а за самые высокие идеалы народа в данную эпоху.<sup>8</sup> В первую очередь это относится к былинам. Казаки поют былины в застольях, даже и не подозревая, что это былины, потому что поют их как песни, как правило, хором. Так, редко беседа в казачьих станицах обходится без того, чтобы кто-нибудь не затянул старинную былинку: «*Вот ходил-гулял Добрынюшка...*» – и станичники дружно не подтянули: «*Ой да он по святым горам...*». Былина очень близка к исторической песне, но тем не менее между ними имеется глубокая и принципиальная разница. Былина древнее исторической песни. Эпос рисует историческую действительность и идеальных героев. Эпосу присуща величавость, монументальность в сочетании с простотой и естественностью. Героические песни основаны на художественном вымысле. Казачьи песенники называют былины просто песнями – старинными, стародавними, староотеческими, богатырскими, прадедовскими. Отличительной чертой казачьей песни является относительная краткость её текста, широта напева и многоголосность исполнения. В золотом фонде народного эпоса казачьи былины занимают почётное место.

Как уже было отмечено ранее, по эпическому складу аналогичны былинам казачьи исторические песни. В.Г.Белинский, высоко оценивший историческое художественное значение казачьего фольклора, писал: «Казачьи народные песни можно причислить к числу исторических. В них весь быт и вся история этой военной общины, где удаль, отвага, молодечество и разгулы нашли себе гнездо широкое и привольное... В них и исторической действительности больше, в них и поэзия размашистей и удалей».

В своей работе «Казачьи эпические песни XVI–XVII вв.» академик В.Ф.Миллер писал: «...обнаружен интересный факт, а именно существование прочной традиции среди казаков и сохранение ими гораздо большего числа былинных и исторических сюжетов XVI и XVII столетий, чем это

раньше предполагали». Но наибольший вклад в исследование и сохранение казачьего эпоса сделал известнейший собиратель казачьего фольклора А.М.Листопадов. Из записанных Листопадовым 159 исторических песен 122 можно считать чисто казачьими. В его записях мы встречаемся с песнями о Ермаке Тимофеевиче, атамане Платове, Степане Разине. Песни о Разине, вожде крестьянского восстания, расширяют наши представления о его времени. Интерес представляет песня «Ай, на речке было, братцы, на Камышинке», в которой ярко выражена горячая любовь народа к Разину:

Во кругу-то стоял, братцы, атаманушка,  
Стоял Степан Тимофеевич,  
Он к богатым в круг никогда не хаживал,  
Вот и дружбу с ними не важивал,  
Офицерам-то он никогда не кланялся,  
Сы купцами он никогда не здравствовался,  
А теперь с голытьбой вот он во кругу стоит,  
Братцы, с нами же он речь говорит...

Относительно исторических песен тюркских народов можно привести пример крымско-татарской песни в память о выступлении на войну Крымского конного полка, стоявшего в Бахчисарае. Песня известна из изданных в 1900 году А.Олесницким крымско-татарских песенных материалов «Песни крымских тюрков». В историко-литературном отношении песня обнаруживает близость к народным османско-турецким песням, и вообще к песням типа «дастан» всех тюркских племён. Содержание песни сводится к тому, что запасные ополченцы из крымских тюрков отправляются воевать с Германией; дети и матери в печали; солдаты утешают родных и успокаивают их, ссылаясь на свою воинскую опытность; они просят родных молиться о поражении врага; эскадрон Крымского конного полка прощается с родными и смело отправляется драться с германцами в осознании своего воинского долга и в надежде на успех.

Не плачьте, братья!  
Бог даст, здоровыми вернёмся.<sup>9</sup>

Если мы попытаемся сравнить и проанализировать исторические песни казаков и тюрков, то обнаружим эпическую преемственность и общность этих народов. В силу глубоких и прочных исторических связей, которые не могли не отразиться на их устном народном творчестве, казаки, восприняв древнюю культуру тюрков, внесли в неё нечто новое. Происходит некоторое смешение тюрко-казачьих элементов фольклора, что, например, ярче обнаруживается в разговорной речи казаков. Фольклорные экспедиции прошлого

и начала нынешнего века сохранили для нас ещё одно бесценное сокровище: фольклористы-этнографы, записывая «со слуха» речь станичников, невольно фиксировали тот язык, на котором говорили казаки столетия назад. Исследователей поражало то, как много было в языке казаков тюркизмов. А как известно, диалекты и акцент – это тени языков, существовавших в народе прежде.

Большой интерес для исследователей фольклора представляет эпос «Кёроглы», который по своей распространённости среди тюркских народов не имеет себе равных. Однако основной сюжет сложился, по всей видимости, в Азербайджане. Сложение эпоса вокруг имени исторических лиц – беглецов (гачаг) в Азербайджане – явление частое. Так возникли исторические песни и множество легенд, связанных с именем ещё одного народного героя-мстителя Гачага Наби и его преданной помощницы – жены Хаджар. Среди казаков также были распространены легенды, предания, исторические песни о знаменитых беглецах, борцах против несправедливости, так называемые народные мстители.

Первые полученные сведения о Кёроглу говорят о его принадлежности к племенной группе «текели». В частности, работа выдающегося западноевропейского востоковеда, ученого-тюрколога Александра Ходзько доказала принадлежность Кёроглу к этому племени по основным текстам изданных в Азербайджане вариантов. Ходзько взял сведения у ашыга-азербайджанца Садыга, который говорил в своей первой главе или меджлисе: «Кёроглу был туркманом из рода Тука» – Kurroglou was a Turkman of the tribe of Tuka; his real name was Roushan, and that of his father Mirza-Serraf. The latter was in the service of Sultan Murad, ruler of one of the provinces of Turkestan, as Master of the Stud to that potentate<sup>10</sup>. Он родился на севере Хорасана и жил во второй половине XVI века. В этот период персидский шах Мухаммед Худабенде попытался сместить и арестовать по совету своего сановника Хамза Мирзы бейлербея Южного Азербайджана по имени Амир хан; эта попытка привела к крупным бунтам туркманских племён «текели». Эти события войдут в легенду о Кёроглы. Текели принимали активное участие в двух исторических событиях: бунде Джелали – с одной стороны, и турецко-иранском конфликте – с другой. Впоследствии могущественные племена текели, шамлу, тулькадар составляли основное ядро в армии и государственном аппарате Сефевидов до прихода к власти шаха Аббаса.

В эпосе повествуется о том, как отец будущего героя Мирза бек, получив должность старшего табунщика от самого шаха Аббаса II, осмотрел табуны и нашёл их в отличном состоянии. Он зорко следил за выращиванием коней. Однажды он увидел удивительную вещь. Из моря вышел жеребец, оплодотворил кобылицу из табуна и обратно погрузился в море. Мирза бек пометил кобылицу и стал за ней наблюдать, пока она не ожеребилась. Это был очень невзрачный, весь покрытый шерстью жеребец, но Мирза бек

понял, что он станет необыкновенным конём. Прошло несколько лет. Однажды Мирза бек получил приказ от шаха привести для его конюшни жеребцов хорошей породы. Мирза бек вместе с другими жеребцами взял и жеребца от морского коня. При осмотре шах остановил свой взор на невзрачном жеребце, разгневался и велел ослепить Мирза бека якобы за дерзость.

Мотив невзрачного коня, который затем превращается в великолепного боевого коня, есть и в казачьих былинах, а также в эпосе других народов. Можно провести параллель этого сюжета с младшим братом в сказках, или героем, который в молодости никаких надежд не подавал, например, Илья Муромец:

Ай же, крестничек ты мой любимый!  
Старый казак да Илья Муромец!  
Ай не будем да мы и коней седлать,  
И не будем мы садиться на добрых коней,  
Не поедем мы во славно во чисто поле,  
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,  
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,  
Да не будем мы стоять за матушку божью церковь,  
Да не будем мы беречь князя Владимира.

Илья Муромец, представленный в народном сознании как борец «за веру, за отечество», выжидает, чтобы нанести решающий удар по врагу.

А старый казак да Илья Муромец,  
Ай на коне сидит, подобно как столетний дуб,  
И на коне сидит и не шатается,  
А его сердечишко да разгорается.

Когда Илья Муромец приходит в состояние вдохновения, происходит подъём его душевных и физических сил, устремление всей его жизненной энергии на одну цель – победу в предстоящей битве.

Изучение деталей эпоса тюркских народов и казаков на примере «Кёроглу» не исключает существующую общность в устно-поэтическом творчестве этих народов, выявляя историко-генетические, контактные взаимосвязи и типологические особенности.

Итак, Кёроглу приходит в отчаяние, узнав, как ослеп его отец. Но отец успокаивает его: «Не плачь, сын мой!.. Ты будешь героем, ты отомстишь несправедливому тирану за причинённые мне страдания».

Слепой отец помогал Кёроглу заботиться о двух жеребцах, один из которых будущий Гырат.

Когда жеребцы подросли, Кёроглу встретил жестокого господина. Он крикнул ему: «Я сброшу тебя с трона» и начал битву с его армией. Победив людей султана, он рассказал о своём подвиге отцу, который очень обрадовался. Кёроглу вместе с отцом отправляется в священный город Мешхед, где отец, чувствуя свой конец, говорит сыну: «Как только меня не станет, иди в Азербайджан, его правитель персидский шах... Ты никогда не должен идти против него...».

Следуя совету отца, Кёроглу направляется в Азербайджан. Прослышав о Кёроглу, шах Аббас, монарх Персии, решает пригласить его к себе на должность командующего своей армией. Несмотря на свои обещания отцу, Кёроглу отказывается от этого, и его упрямство вызывает гнев шаха. А Кёроглу клянётся никогда больше не вступать в бой, прощается с товарищами и поёт им последнюю песню.

Чтобы отомстить Кёроглу за отказ, шах подговаривает двух рабов убить любимого коня Кёроглу Гырата. Узнав об этом, Кёроглу отдаёт себя в руки палачей: «Вы убили моего коня, вот и моя грудь. Я не буду защищаться. Без Гырата я ничего не значу в этом мире».

Эпос о Кёроглу очень точно раскрывает смелость, мужество, храбрость, преданность главного героя.

«Я разобью скалы, я разрушу горы,  
Ханы, султаны выпьют отраву,  
Это Чанлибель – вотчина храброго Кёроглу,  
Пусть даже сам шах придёт, я его туда не пущу».

**Заключение.** Из вышесказанного отметим, что совершенно очевидно сходство сюжетных линий эпических произведений как тюркских, так и казачьих. Например, встреча одного героя с целым войском врагов. Тем не менее картины боя, как они даются в эпосах, признаны художественно правдивыми, в известной степени исторически верными. Но и очень важным условием эпоса является изображение мудрого коня, который предупреждает об опасности, пытается помочь, спасти своего хозяина.

В свете всего вышеизложенного мы видим, что возможны несколько видов взаимовлияния и взаимосвязи фольклора тюрков и казаков.

1. Фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности.

2. Помимо воли создателей и исполнителей народного искусства, оно отражает реальную жизнь.

3. Народный художник ставит себе целью изобразить действительность верно и правдиво.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. Б.Далгат. Этнопоэтика в русской прозе 1920 – 90-х гг. XX века. М., 2004, с.4.
2. Х.Г.Короглы. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983, с.3.
3. В.Я.Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986, с.7.
4. А.Иванова. К вопросу о происхождении вымысла в волшебных сказках // "Советская этнография", 1979, № 3, с.116.
5. Анекдоты о Бахлуле Даненде. Баку, 1986, с.5.
6. В.Я.Пропп. Указ. раб., с.10.
7. А.Н.Афанасьев. Русские народные сказки, т.1. М., 1957, с.175.
8. В.Я.Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, с.5.
9. В.Самойлович. Песни крымских татар про Вторую Отечественную войну. Петроград, 1915, с.2.
10. Chodzko A. Specimens of the Popular Poetry of Persia, as found in the adventures and improvisations of Kurroglou, the bandit-minstrel of Northern Persia, and in the songs of the people inhabiting the shores of the Caspian Sea, orally collected and translated, with philological and historical notes by Alexander Chodzko. London, 1842, chapter 3, p.17